

Как только вы овладеете Дао Бессердечия, вы добровольно отказываетесь от благодати духовной энергии неба и земли. Кроме закаливания сердца и разрыва чувств, не остается иных путей совершенствования.

...За исключением двойного совершенствования.

В этом обширном мире только партнеры по двойному совершенствованию готовы принимать культиваторов Дао Бессердечия и делиться с ними духовной энергией, помогая прорываться. Но культиваторы Дао Бессердечия готовы убивать своих спутников, так кто же осмелится стать их партнером?

Только Янь Хуалань не знал, что он следует Дао Бессердечия, и потому сделал такое предложение.

— Я... — Шуан Цзянь Нянь долго обдумывал, затем сказал, - Если ты решишь разделить со мной путь, однажды пожалеешь.

После потери зрения глаза под его маской потускнели, что заставило сердце Янь Хуаланя сжаться от боли.

— Я не пожалею, — уверенно ответил Янь Хуалань, — Почему ты сделал это для меня? Что заставило тебя пойти на такие жертвы? Почему... ты спас меня, рискуя жизнью? — его голос звучал мучительно.

— Потому что ты спас меня своей жизнью, — холодно ответил Шуан Цзянь Нянь, — Только равная жертва может погасить долг.

Глаза Янь Хуаланя широко раскрылись:

— Твоя жизнь в сто раз дороже моей, как ты мог пожертвовать собой ради меня?

Он бессмертен — но лишь превращается в птенца, возвращаясь в цикл «невозможности повзрослеть». Его жизнь ничтожна по сравнению с жизнью брата А-Няня. Янь Хуалань сожалел, если бы он раньше рассказал ему о своем секрете воскрешения, возможно, брат А-Нянь не страдал бы так.

— На самом деле я...

На полуслове ему вспомнились пытки, перенесенные из-за «бессмертия», даже пробудив мышечную память. Янь Хуалань до хруста сжал кулаки, стиснул зубы, раздавил тайну и проглотил ее.

...Он не мог сказать.

Шуан Цзянь Нянь, крепко прижатый к его груди, почувствовал вину Янь Хуаланя, выросшую из-за скрытности. Два человека, оба с тайнами и виной, прижались друг к другу, пытаясь возместить утраты.

Наконец, Янь Хуалань тихо сказал:

— В любом случае, больше не рискуй своей жизнью ради меня.

Шуан Цзянь Нянь был немного ошеломлен и тихо ответил «мм».

— Ты должен поклясться! — встревоженно крикнул Янь Хуалань.

Шуан Цзянь Нянь нашел это милым и слегка улыбнулся:

— Тогда давай дадим обещание на мизинцах.

— Обещание на мизинцах?

- Вот так, — Шуан Цзянь Нянь зацепил свой мизинец за мизинец собеседника. — Заключим клятву: то, что подвешено на крючке, не изменится сто лет.

Янь Хуалань насторожился:

- Тысячу лет, десять тысяч лет — никогда не нарушим!

- Хорошо, — Шуан Цзянь Нянь улыбнулся, погладив его волосы за ухом. — Хороший мальчик.

- Я уже не ребенок, — Янь Хуалань закусил губу.

Раньше, когда брат А-Нянь хвалил его, называя хорошим мальчиком, он был счастлив. Теперь, услышав это, он вдруг почувствовал неудовлетворенность.

Внезапно он ощутил, как одно место легонько сжали, что заставило его напрячься всем телом.

- Что касается тела, оно действительно уже не детское, - Шуан Цзянь Нянь улыбнулся небрежно, но его голос стал твердым.

- Ответ на твой вопрос — чтобы выжить я готов заплатить любую цену, - он протянул руку и снял заколку, позволяя белоснежным волосам рассыпаться, - Давай.

Тело Шуан Цзянь Няня казалось хрупким, словно вылепленным изо льда и снега, всегда создавая впечатление, что одно прикосновение разобьет его, одно тепло растопит. Однако, как только пламя разгорелось, стало ясно, что ядро этого льда несокрушимо.

Именно это делало его столь притягательным.

Под маской Шуан Цзянь Нянь нахмурил брови, удивляясь, почему боль еще не утихла.

Маска начала трястись и осыпаться, готовая упасть, его энергия истощалась, не позволяя больше удерживать ее на лице, поэтому он мог поддерживать свою маскировку, лишь удерживая маску руками.

Руки Шуан Цзянь Няня, привыкшие держать иглы и лекарства, были изящны и худощавы, пальцы, когда напрягались, изгибались в красивую дугу.

- Я хочу увидеть твое лицо, — прошептал ему на ухо Янь Хуалань, — Всего один раз.

- ...Нет.

- Мне не важно, красив ты или нет, — серьезно сказал Янь Хуалань, — Я просто хочу запомнить твое лицо, чтобы не забыть его впоследствии.

Именно из-за того, что он боялся, что его узнают, это было невозможно.

С течением времени пальцы Шуан Цзянь Няня теряли силу, почти не удерживая маску.

- Закрой глаза. Не смотри на меня.

Янь Хуалань не послушался.

Шуан Цзянь Няню пришлось умолять:

- ...Хуалань.

Янь Хуалань фыркнул, но послушно закрыл глаза. Брат А-Нянь очень не любил, когда на его лицо смотрели, возможно, это как у него с его страхом воды? В будущем он, возможно, преодолет это, времени у них впереди еще много, не так ли?

Через мгновение пальцы Шуан Цзянь Няня ослабли, маска упала, и его рука бессильно повисла. С другой стороны, не последовало никакой особой реакции, видимо, юноша послушался и не открыл глаза. Шуан Цзянь Нянь только вздохнул с облегчением, как по его лицу разлилось грубое и горячее прикосновение – это рука Янь Хуалянь изучала и мяла его лицо.

- Не трогай, – строго сказал Шуан Цзянь Нянь. Рука отдернулась, но вскоре на лице появилось что-то более влажное и мягкое.

- ...и губами тоже не трогай, – добавил он.

Янь Хуалянь поднял голову и облизал губы, ухмыляясь. В его сознании постепенно возникал образ другого человека: глаза персикового цветения, аккуратный, но не острый, нос, губы мягкие, совсем не такие тонкие, как он представлял. Все было мягким, и это резко контрастировало с его холодным характером.

Он был в восторге. Янь Хуалянь словно держал в руках гору конфет, каждый кусочек тела этого человека казался сладким и самым вкусным, вкуснее всего, что он когда-либо пробовал. Неосознанно он произнес «люблю» в своем сердце.

- Не люби, – сказал Шуан Цзянь Нянь.

Он, словно строгий учитель, продолжал повторять: «Не смотри», «Не трогай», «Не используй губы» и «Не люби». Если его воля нарушалась, он хмурился и кашлял, заставляя сердце сжиматься от боли. Янь Хуалянь прищурился от обиды.

Его так презирают?

Он схватил зубами мочку уха Шуан Цзянь Няня и злобно прошептал:

- Ну и не буду любить. Того, кто колет меня иглами и варит мне кашу из гадости, я и вправду не люблю!

Потом, пользуясь тем, что Шуан Цзянь Нянь не мог слышать далекие звуки, он отступил немного назад и мстительно произнес:

- Просто люблю, люблю, люблю! Тебе-то что? – крикнул он, с легким волнением поглядывая на Шуан Цзянь Няня. Убедившись, что тот не отреагировал, он снова повеселел, как ребенок, который успешно напроказничал.

Янь Хуалянь, наслаждаясь ароматом человека, сладко улыбнулся:

- Теперь ты мой.

Этих слов Шуан Цзянь Нянь в своем полусонном состоянии не услышал. Поток духовной энергии обрушился на него, давно забытые меридианы тела ожили, и он в дремоте погрузился в сон, обретая золотое ядро.

Янь Хуалань принял на себя Молниеносную Скорбь, небесный гром, который должен был ударить при формировании золотого ядра. Когда облака рассеялись, он забыл закрыть глаза и, обернувшись, случайно взглянул на лицо Шуан Цзянь Няня. Свет был слишком тусклым, и он не успел рассмотреть черты, так как поспешно закрыл глаза.

Однако он заметил одно: на левом веке Шуан Цзянь Няня, ближе к уголку глаза, была родинка цвета киновари. Люди с таким расположением родинки встречаются редко, и ее легко запомнить.

Сдерживая волну возбуждения, Янь Хуалань принял свою истинную форму. В снежной пустыне появился великолепный павлин. С трудом выдернув самое длинное перо из своего хвоста, он расклевал палец Шуан Цзянь Няня и намазал кровью основание пера.

Узоры в виде глаз на изумрудных хвостовых перьях создавали слабый ореол, превращаясь в световые точки и проникая в сердце Шуан Цзянь Няня. На коже его левой груди появилась зеленая узорчатая метка. Павлинье перо – особый знак, предназначенный для защиты и мгновенного распознавания среди людей.

После всего этого Янь Хуалань чувствовал себя изможденным, но абсолютно спокойным. За пределами пещеры валил снег. Он привалился к Шуан Цзянь Няню, прикрыв его великолепным хвостом, и удовлетворенно заснул.

*

За тысячу ли отсюда, на утесе Черного Ветра свирепствовал шквальный ветер, черные облака простирались на сотни миль, и воздух был наполнен черным туманом. Повелитель демонов сидел на краю обрыва, его лицо скрывала костяная цепь, свисающая с края шляпы.

Он сжал ядовитую змею на семь цуней*, поднял ее ко рту и проглотил. Цепь зазвенела, смутно приоткрывая его круглый рот, усыпанный мелкими зубами.

(ПП: происходит от пословицы «ударить змею на семь цуней», которую обычно используют для описания слабостей и жизненно важных частей вещей. Буквальное объяснение состоит в том,

что самое слабое место у змеи находится на расстоянии семи цуней от головы)

- Ш-ш-ш... - последняя часть хвоста змеи все еще извивалась в агонии, пока он высасывал ее яд.

- Владыка, - демонический культиватор ползал перед ним на коленях.

Повелитель демонов поднял другую змею, черные изогнутые когти гладили ее чешую, заставляя обычно свирепую змею замереть от страха.

- Что за спешка? - медленно произнес он.

- Клетка открылась, - культиватор со змеиным лицом трясся, - ...И детеныш Феникса сбежал.

Повелитель демонов замер, его пальцы остановились, и змея упала на землю, незаметно ускользнув прочь.

- Как он смог сбежать? - его голос был низким и хриплым, - А как черный цзяо?

- Он мертв. Мы только что собрали его тело и сейчас выясняем причину его смерти.

- Детеныш Феникса еще не стал взрослым и боится воды, он не мог убить черного цзяо, - сказал Повелитель демонов, - Узнайте, кто помог ему убить черного цзяо.

Его слова еще не успели затихнуть, как другой демонический культиватор - змей с крыльями приземлился на краю утеса. Удивительно, но все они принадлежали к разным расам, однако их головы и лица всегда были в форме змей.

Крылатый демонический культиватор выступил вперед:

- Владыка! От демонов пришло известие, что огонь души юного Феникса только что стал изумрудно-зеленым, он стал взрослым!

- Что?! - зрачки Повелителя демонов сузились.

Другой демон пронзительно вскрикнул:

- Как это возможно? До окончания этого цикла реинкарнации еще оставалось восемь месяцев и три дня.

Повелитель демонов на мгновение задумался и сказал:

- Он должен был принять что-то особенное.

Только божественные существа могут вмешиваться в ход времени, кроме того, это мог быть кто-то, способный усиливать пламя...

Неужели это была... русалка?

- Похоже, среди «приманки» оказалась интересная вещь, - Повелитель демонов потер подбородок, - Кто отвечал за эту партию «приманки»?

- Луань Циньцзюнь Мэн Кэчжи.

- Позови его ко мне.

- Есть.

- Нельзя позволить демонам вернуть своего короля. Общайте окрестности Клетки, ускорьте выяснение причины смерти черного цзяо.

Повелитель демонов сжал когти, и убегающая змея снова оказалась в его руке, один его палец пронзил ее сердце.

Он холодно усмехнулся.

- Я хочу посмотреть, как давно исчезнувшие русалки смогли вновь появиться на свет.

Гора Гугуань.

Шуан Цзянь Няню приснился кошмар. Он словно шел по краю обрыва, оступился и рухнул в бездонную пропасть.

Проснувшись в испуге, он ощутил тепло. За пещерой тихо падал снег, мех, который он держал в руках, был похож на большой естественный обогреватель, а его тело было укрыто густыми перьями.

Шуан Цзянь Нянь открыл глаза и погрузился в бирюзово-сапфировый океан. Среди изумрудных перьев, множество ярких одиноких глаз пристально смотрели на него.

Шуан Цзянь Нянь затаил дыхание.

Только спустя некоторое время он осознал, что эти «глаза» были узорами на павлиньем хвосте. Павлин в его объятиях излучал ауру Янь Хуаланя, его длинная сапфировая шея ласково прижималась к его шее.

Насколько знал Шуан Цзянь Нянь, единственным павлиньим демоном в этом мире, сыном Феникса и будущим королем демонов, был главный герой книги, Янь Чэнь.

Глядя на павлиньего демона перед собой, ресницы Шуан Цзянь Няня дрожали.

... Система никогда не ошибалась с выбором.

Янь Хуалань и есть Янь Чэнь.

*Небольшое пояснение. Янь Хуалань относится к клану яо 妖, что дословно переводится как "чудовище, оборотень, злой дух; злой, коварный; великолепный, завораживающий; (о женщине) привлекательный, кокетливый". Скорее это ближе к роду оборотней или фэйри. А Повелитель Демонов 魔 魔 переводится как "черт, бес, дьявол, нечистая сила".

<http://bllate.org/book/13610/1207133>